алексей
УЛЮКАЕВ
чужое
побережье

Алексей Улюкаев

Чужое побережье

«WebKniga»

2012

Улюкаев А. В.

Чужое побережье / А. В. Улюкаев — «WebKniga», 2012

«Чужое побережье» – книга необычная и непривычная, причем сразу во многих смыслах. Ее автор – крупный государственный деятель, первый зампред Центробанка России. «О себе и о своем времени заговорил человек действия, призванный и привыкший распоряжаться не только собственной судьбой» (Сергей Чупринин). Начало книги автор счел нужным составить из стихов, написанных тридцать лет назад – этот раздел называется «До н. э.», что абсолютно точно по сути. Когда же настала новая эра, выяснилось, что «страшно прилюдно раздеваться, особенно если ты всю жизнь в костюме и галстуке». Но человек в костюме преодолел страх, и выяснилось, что боялся он зря – поэт Алексей Улюкаев оказался самобытен, интересен и привлекателен. Галстук, как выяснилось, ни при чем.

© Улюкаев А. В., 2012
© WebKniga, 2012

Содержание

От автора 5
ДО Н. Э. (1974–1980) 7
Беленькие бумажки 7
«Рассказ от первого лица…» 8
Ситцы-занавески 9
«Когда мы порознь…» 10
«Ах, почта мешкает…» 11
Метод вычеркивания 12
О жидкостях 13
«Увидеть или позвонить…» 14
«Вот здесь дорога распрямится…» 15
«Октябрь пришел…» 16
«В домах сквозняк…» 17
«Хоть лето кончилось…» 18
«Не обольщайся листаньем листов…» 19
«Ужель часы и километры…» 20
«Друзья далёко…» 21
«Похолоданью раннему я рад…» 22
«Увиливать сегодня не с руки…» 23
«Я говорю вам…» 24
«Как будто в белую постель…» 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Алексей Улюкаев
Чужое побережье

От автора

Я – поэт. Этим и интересен. – Совершенно справедливо заметил Маяковский. Я – поэт. Этим не интересен. – Всегда считал автор этих строк. Ну, не всегда: как и некоторые другие, прошел по дороге со станциями: я, я и Пушкин, Пушкин и я, Пушкин. Пока двигался между первыми тремя станциями, написал какое-то количество стихов, за которые и сейчас не стыдно. Значительная часть их издана через много лет в книжке «Огонь и отсвет».

«Дальше – тишина». Не только потому, что доехал до четвертой станции. Но и потому, что время изменилось, жизнь изменилась.

Начинал, когда поэт в России был «больше, чем поэт». А потом оказалось, что ничуть не бывало и, как и во всем мире, он меньше или равен. Объявилась гласность. Стало можно писать довольно прямо на острые темы – и публиковаться! Журнальные и газетные статьи вытеснили стихи. Я бы сказал, тут действует некий вариант закона Грешема (худшие деньги вытесняют из обращения лучшие): претендующее на вечность вытесняется актуальным.

А потом оказались востребованными экономические концепции и программы, и автор стал «программистом». А потом оказалось, что есть шанс самому реализовать эти концепции и программы – и автор был мобилизован в правительство реформ. И это был такой драйв! А потом – и депутатство, и работа в академической науке, и даже, извините за выражение, партстроительство.

Когда говорят пушки, музы молчат. А артиллерия била изрядная. Стихи вытеснялись публицистикой, публицистика – программами. А те – проектами указов, законов, инструкций и прочих нормативных актов. И кому ж ты доверишь их реализацию, как не себе, любимому!

А тут тебя настигают высокие должности, востребованность – профессиональная и социальная, довольно высокая оценка твоего труда и знаний. А семья? А необходимость заработать копейку?

Это не оправдание, а объяснение. У автора есть своя «теория сопротивления материала»: если цели, идеалы, амбиции, талант – не выдерживают столкновения с жизнью, любовная лодка разбивается о быт, значит это не совсем настоящие цели, идеалы, амбиции, талант и любовь. У Мао Цзэдуна, по-моему, был тезис о том, что по завершении уборки урожая следует взяться за мировую революцию. Вот и автор, как и многие, оказался таким «маоистом»: сначала то, то и то – а уж потом стихи.

Но так не бывает.

И так просвистело тридцать лет (практически ровно тридцать!).

А потом… А потом тот червячок, который впал в анабиоз, вдруг очнулся. И вдруг стал жалить и теребить. И так больно! И… рука уж тянется к перу, перо к бумаге…

Собственно, об этом – некоторые стихи этой книжки («Искусство обрезания», «И так начинают» и др.).

У автора было немало сомнений относительно публикации стихов «второго призыва». Страшно. Во-первых, страшно прилюдно раздеваться, особенно если ты всю жизнь в костюме и галстуке. Во-вторых, ожидаемая реакция: ну да, поэт, как же. Ты расскажи, кому и сколько заплатил. Кому позвонил, с кем договорился.

В-третьих, ожидаемая реакция другого рода: бородатая женщина, говорящая собака. Смотри-ка: «а ведь начальники тоже любить умеют».

И в-четвертых, и в-пятых, и в-сотых…
Тем не менее: «Чужое побережье».

ДО Н. Э. (1974–1980)

Беленькие бумажки

Вот здесь на беленьких бумажках
Остались – выжимкой судьбы —
Дней беспечальных или тяжких
Разнообразные следы.

Перелистай их – может статься,
Тебя займут минут на двадцать,
А сможешь губы разомкнуть —
Скажи, быть может, этот труд
Был не настолько и напрасен,
Когда хватило этих басен
Для этих двадцати минут.

«Рассказ от первого лица…»

Рассказ от первого лица
Настолько жалобен и длинен,
Нет сил дослушать до конца,
Короче! Хватит половины.

Наметь лишь главное. Вполне
Его понять сумеет каждый,
Ведь и его хотя б однажды
Несло на этой же волне,
А прочее не так уж важно.

Ситцы-занавески

Не нужно память напрягать,
Она всегда готова
Здесь приукрасить, там солгать.
Перелистай свою тетрадь,
Там правды нет ни слова.

И то, что кажется тебе
Значительным и веским,
Колеблется в прошедшем дне,
Как легкий дым в печной трубе,
Как ситцы-занавески.

Не нужно память напрягать,
Оставь ее, довольно,
Там нет ни друга, ни врага,
Там день и ночь идут снега,
Там холодно и больно.

«Когда мы порознь…»

Когда мы порознь, нам темно,
И холодно, и одиноко,
Мы бьемся, будто за окном,
А то и вовсе между стекол
Какой-то бабочкой ночной.

А вместе плохо нам двоим,
Не можем выразить словами
Того, что происходит с нами,
И больше, стало быть, молчим.

Напрасно мы хотим вдвоем
Уйти от этого недуга —
Нам нечего сказать друг другу,
Самих себя не узнаем.

Мы долго кружим в поздний час
Какой-то бабочкой случайной,
И постоянно манит нас
Свеча, оставленная в спальне.

«Ах, почта мешкает…»

Ах, почта мешкает. Неловок телеграф.
Похоже, что в запое почтальоны.
Оборван телефон. Нет, я не прав:
Ты просто не подходишь к телефону.

Нас километры пробуют пугать,
Аэрофлот, железная дорога.
Дожди размыли путь. Потом снега
Насыпались по пояс у порога.

Природа нас не балует совсем
И принуждает жить поодиночке.
Но на деревьях набухают почки
И обещают много перемен.
И точка!

Метод вычеркивания

Ты, которой пустяк расставанье,
Не поймешь, не сумеешь понять
Распрю с временем и расстояньем,
Спор с судьбой, заглянувшей в тетрадь.

Уходи же скорей. Без оглядки.
Я не брошусь, не выбегу вслед.
Просто вычеркну все по порядку:
Звук. И запах. И форму. И цвет.

И в оставшемся мраке, в просторе
Загадаешь – и быть по сему.
Вот почти настоящее горе.
Без дележки. Тебе одному.

О жидкостях

Что в жилах у тебя течет?
Какая жидкость? Не клокочет,
Не жжет, к смятенью не влечет
И ничего она не хочет.

На лишний градус суматох
Она термометр не двинет.
Спокойный выдох, легкий вдох.
Ах, это, верно, климат. Климат
Виновен. Климат, видно, плох!

Что в жилах у тебя течет?
Холодная – а горячо
К твоим притронуться ладоням.
Твой холод – порох для меня.
Другого надо ли огня —
Гореть, тонуть?
Горит и тонет.

«Увидеть или позвонить…»

Увидеть или позвонить…
Никто не отвечает.
Наверно, ветер режет нить
Холодными ночами.

Наверно, спутал номера
На станции наладчик.
Наверно, не везет, с утра
Сплошные неудачи.

Я не сумел тебя найти,
А ты не захотела.
Мы сбились попросту с пути,
Наверно, в этом дело.

Но потихоньку тает лед,
Пошли на убыль ночи.
Наверно, завтра повезет.
Мне очень нужно. Очень.

«Вот здесь дорога распрямится…»

Вот здесь дорога распрямится,
И ты увидишь – без затей
Почти над ней повисли птицы.
Почти висят. Почти над ней.

И жарче летнего дыханья
Здесь не найдется ничего,
И голоса не затихают,
Скользя окружностью его.

А ты над красотою этой
Ужели взглядом не скользнешь?
Ужель цена моим приметам
В базарный день бездарный грош?

Ну чем еще тебя приманишь?
Жасмин? Шиповник? Плеск реки?
Еще какие пустяки?
И ты придешь? И не обманешь?

«Октябрь пришел…»

Октябрь пришел. Изменений не будет,
А только раздолье дождям и ухабам,
И насморку, заболеваньям простудным,
И если не болям, то справкам хотя бы.

Октябрь пришел, он почувствовал силу,
Он вспомнил забытые вроде мотивы
И с моря, наверно, нагнал облаков,
И выполз туман – если это не пиво,
Тогда, вероятней всего, молоко.

Он плакса, он просто заходится плачем,
Ему отвечают отчетливой дробью
Соленые капли – дождя, не иначе, —
Причин для веселия нету особых.

Их нету совсем. Отчего же – не часто,
Но все же смеемся. Смеемся – и баста!
А все же хохочем порой без причин.
Видали, скажите, таких дурачин?

«В домах сквозняк…»

В домах сквозняк, снаружи – ветер,
Размыло, к черту, колею,
Срываются ворота с петель —
Природу вспомнили свою.

И так им хочется примерить
Давно не ношенный наряд!
Об этом и твердят капели.
Об этом только и твердят.

«Хоть лето кончилось…»

Хоть лето кончилось, оплаканы билеты,
Оплачены и выброшены вон,
Но свежей краской выкрашен вагон,
Чтоб весело раскатывать по свету.

Жди холода. Но не спеши при этом
Календарем пузатым нас пугать.
Зима всего лишь перерыв для лета,
Как раз разучим парочку куплетов,
Чтоб летом их беспечно распевать.

«Не обольщайся листаньем листов…»

Не обольщайся листаньем листов —
Туши, гуаши уплыли на Запад,
Или на дно, или, может, в Ростов:
Он на Дону – там и сребро, и злато.

Он на Дону – он данаец, он папа.
Бойся даров – но не даром же петь.
Если уплыли, то с целью одною,
Чтобы без цвета не осиротеть
И до утра оставаться с роднею.

Днем, как слепые, брели фонари —
Поводыря им нашли лишь к закату.
Им бы дождаться прихода зари,
Вышли из дома они рановато.

«Ужель часы и километры…»

Ужель часы и километры
Над нами простирают власть?
Гонимые дождем и ветром,
Не будем дождь и ветер клясть.

И то уж хорошо, что вьется
Сквозь расстояния во тьме
Нить телефонная. А солнце
Еще взойдет, еще вернется,
Еще напомнит о себе.

«Друзья далёко…»

Друзья далёко. Голос слишком слаб,
И почта не приносит облегченья.
Я мог бы и одуматься, когда б
Все это было просто увлеченье.

А ну-ка – больше света! Свечек, ламп,
Любого чуть заметного свеченья.
Вы поняли: ведь это уж не ямб!
Какое это, к черту, увлеченье!

«Похолоданью раннему я рад…»

Похолоданью раннему я рад.
Листва так зябко жмется к основанью,
Как будто осень, изменяя сад,
Не так сильна на малых расстояньях.

Но ухищренья эти не спасут,
И наступленье заморозков первых
Листву убьет, а нам подлечит нервы.
Листва умрет, деревья – проживут.

А мы засыплем яблоки в подвалы
И будем спать подольше, чем весной,
Натягивая на нос одеяла,
А то и укрываясь с головой.

«Увиливать сегодня не с руки…»

Увиливать сегодня не с руки.
Пока стоит зима по всем приметам,
Иначе я не напишу строки,
Как для того, чтоб ты была согрета.

А ты и знать не знаешь про нее,
Ты веришь в паровое отопленье.
Мы громко, как на угольях, кричим – поем,
Быть может, без особого уменья.

«Я говорю вам…»

Я говорю вам, что октябрь —
Не лучший месяц для прогулки.
Но я его люблю, хотя б
За шорох капель в переулке,

За леность, за спокойный вдох,
За неразборчивое пенье,
За то, что он – хорош ли, плох —
Несет уже не ах и ох,
А ясность разума и зренья.

«Как будто в белую постель…»

Как будто в белую постель,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.